

П. В. ЛИНТУР

ЗАКАРПАТСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗАНИЯ О КОРОЛЕВИЧЕ МАРКО

Ни у восточных, ни у западных славян до сих пор не удалось записать стихотворные или прозаические произведения устного творчества о Королевиче Марко, герое юнацких песен и сказаний балканских народов. Поэтому записи сказаний о нем у населения Закарпатья заслуживают особого внимания.

История наших записей следующая: летом 1946 г. в Ужгород приехала экспедиция Института этнографии АН СССР, в работе которой я принял участие. В Горинчеве мы познакомились с Андреем Калиным — талантливым сказочником, позже ставшим известным не только в Советском Союзе, но и за границей¹. Беседуя с Калиным, мы узнали его «учителей», т. е. тех народных мастеров старшего поколения, у которых он учился искусству слова и усвоил свой репертуар. Называя фамилии лучших своих учителей, Калинин выделил из них Юру Тегза-Порадюка. От него и записано первое закарпатское сказание о Королевиче Марко.

Юра Тегза, по прозвищу «Порадюк», родился в 1886 г. В молодости он, подобно тысячам закарпатских бедных крестьян, скитался по миру в поисках куска хлеба, работал на лесозаготовках в Галиции, Польше, в Буковине, Семиградье, в Боснии и Герцеговине и в других странах. Девять лет отбывал воинскую повинность в австрийской армии; во время первой мировой войны получил ранение на итальянском фронте. После войны работал во Франции в угольных шахтах, в годы фашистской оккупации попал в концлагерь. Потеряв трех сыновей и жену, старик доживает сейчас свой век у дочери.

Сказку Юра полюбил еще в детстве, живо интересовался ею в юности и в зрелые годы. Он рассказал нам характерный эпизод об одном из своих «учителей»: лесоруб Иван Билан из Дулова поспорил с польским приказчиком (дело было в Буковине), что каждый вечер будет рассказывать новую сказку, до тех пор, пока рабочие не вырубят просторный лесозаготовочный участок. И рабочие рубили лес несколько месяцев, а Иван каждый вечер преподносил им новую сказку. Этот эпизод говорит о неисчерпаемом богатстве творческого воображения народных мастеров.

Репертуар Порадюка обширен и разнообразен. Мы записали от него свыше тридцати больших сюжетов и серию небольших по объему легенд, сказок-анекдотов и новелл.

По словам Андрея Калина, Юра когда-то славился на всю околицу мастерством исполнения. Память у Юры отличная: он хорошо помнит то, что произошло 50—60 лет назад, не забыл имен людей, с которыми встречался еще в ранней молодости. И где бы он ни работал: в шахтах, на вокзалах при погрузке леса, на различных стройках — он никогда не

¹ «Zakarpatské pohádky — Andrij Kalyn» — uspořádal P. V. Lintur, statni nakl., Praha, 1958.

терял интереса к сказке. В Польше он слушал польские сказки, в Галиции и Буковине — украинские, в Семиградье — румынские и венгерские, в Боснии — сербохорватские. Так, запас сюжетов, вынесенных из родного села и родного края, постоянно пополнялся инонациональными, творческое воображение обогащалось, сказочный горизонт расширялся.

Другой вариант сказания о Королевиче Марко записан летом 1961 г. в с. Дулово Тячевского района от Михаила Галицы (1885 г. рождения). Биография Галицы — типична для закарпатского крестьянина-бедняка. Уже в 13 лет он ушел из дому на заработки. В Галиции он подружился с украинскими, польскими и словацкими лесорубами. Отсюда он поехал в далекие Боснию и Герцеговину, где «ладовав вагоны», т. е. грузил лес.

Перед мировой войной 1914 г. он работал в угольных шахтах США, приобрел опыт профессионального рабочего-шахтера. В условиях буржуазной Чехословакии (1919—1939) Галица влачил жалкое существование малоземельного крестьянина, которому своего хлеба хватало только до нового года. После воссоединения Закарпатья с Советской Украиной (1945) Галица добровольцем пошел на строительство Рикско-Тереблянской ГЭС.

Михайло Галица много путешествовал, у него богатый жизненный опыт. Он видел своими глазами оба полушария, встречался с людьми самых различных наций и политических убеждений, изучил практически десяток языков. Его сказочный репертуар очень богат. Когда в июле 1961 г. мы записывали его на протяжении четырех недель, изо дня в день, с раннего утра до поздней ночи, испытывая истинное эстетическое наслаждение, — мы ни разу не услышали обычное у народных мастеров скромное замечание: «уже все сказал», «больше не знаю...». А заполнили мы сказками «деда Михайла» 56 тетрадей! И все же, прощаясь с ним, унесли впечатление, что записали далеко не все. Галица с одинаковым мастерством рассказывает волшебные, легендарные, социально-бытовые и детские сказки, исторические предания и философские сказания. Знает он, конечно, немало и народных песен, хорошо знаком с календарными и семейно-бытовыми обрядами. Михайло Галица принадлежит к сказочникам-универсалам, которые чувствуют себя уверенно во всех жанрах народной повествовательной прозы. Он наделен удивительным импровизаторским даром, проявляющимся в умении создать монументальную композицию, монументальный образ, и в идейном направлении сюжета.

Когда в 1946 г. в с. Горинчево Хустского района я впервые услышал закарпатское сказание о Королевиче Марко, то подумал, что это случайное явление, устный рассказ, занесенный с другой этнографической территории. Но в 1961 г. от Михайла Галицы было записано еще одно сказание, сильно отличающееся от горинчевского. А в 1963 г. в с. Синевир Межгорского района мы встретились со сказочником Федором Ледней, который тоже знает рассказы о Королевиче Марко. Следовательно, есть основание говорить о бытовании фольклорных сюжетов и мотивов о южнославянском национальном герое среди населения Закарпатья. Этот факт подтверждается записью Володимиром Гнатюком тринадцати сюжетов в селе Коцура Бач-Бодрогского комитета от Осифа Кулича и Имри Фаркаша («Королевич Марко воює з Турками проти Арабів», «Як визволив Марко королівну від чорного Арабина», «Марко і дванадцять Арабів», «Як Марко зарубав арабську королівну», «Цар Лазар, Мілош Обіліч та битва на Косовім полі», «Королевич Марко і цар Арабин», «Свати Королевича Марка», «Як Марко визволив своїх товарищів із неволі», «Як Марко на свої імени-

ни повісив юнака, який хотів його вішати», «Королевич Марко і Темо Бртянін», «Як Королевич Марко орав», «Королевич Марко і Филип Манджарин», «Смерть Королевича Марка»)².

Эти сказания, записанные В. Гнатюком в 1897 г., мы слышали в 1935—1936 гг. не только в Коцуре, но и в Керестуре, в Новом Врбасе и других селах-колониях Бачки. Они проникли сюда, несомненно, от южных славян. (Не надо забывать, что территория Угорской Руси в XVI—XVII столетиях занимала значительную часть низменности по течению верхней Тисы и расширялась на юг вплоть до Дебрецина; только в XVIII и XIX вв. славянское население этой территории ассимилировалось.)

Записанные нами сказания сочетают несколько традиционных мотивов. Вот сюжет варианта Юры Порадюка. Турецкая царевна видит сон, что разбойника Мусу может победить Королевич Марко, заключенный в темницу. Султан велит привести сербского витязя и обещает ему свою дочь, если он убьет свирепого разбойника. Марко ставит условие три года поить его «черленным» вином. Испытав свою силу («зтрошив сухое дерево так, що потекла роса») и получив лучшую саблю из мастерской «ковача», он вскакивает на своего коня и мчится навстречу Мусе. Увидав Мусу, Марко требует «или ми ся поклони, или ми ся уступи!». Богатыри вступают в единоборство. Муса оказывается сильнее, но вила спасает от верной смерти своего любимца... Марко, дав клятву, что впредь не будет биться с турецкими витязями, возвращается с победой к султану, но тот отказывается выдать свою дочь за христианина... Он ведь задумал покорить Сербию. На границе («на полонині Ягодина») стоят войска, готовые начать бой. Но султан предлагает решить исход войны поединком двух богатырей, турецкого и сербского. Победителем выходит Рильо Пазарович, который сильнее Марко (ибо его «учинив змій, коли його мати заспала») и который имеет «дві серця — на одному сидів гад».

Рильо Пазарович, борясь с турецким витязем, скрывает свое лицо под маской, поэтому султан принимает его за Королевича Марко. Рас-свирепев, он приказывает казнить Марко, но последний посылает с голубем письмо своим сербским товарищам, и Рильо вырывает его из рук палача. Тогда султан объявляет войну Сербии. Накануне битвы (очевидно, Косовской) сербские витязи в присутствии своего царя обсуждают положение. На Пазаровича клеветает Мирошевич-изменник, которому султан пообещал свою дочь, если «убернеся против сербів». Кровно обиженный Рильо уходит, сказав царю: «Завтра я принесу тобі серце турецького царя». И он выполняет свое обещание: переходит в турецкий лагерь, выдавая себя союзником турок, и убивает султана...

Вскочив на коня и отбиваясь от нападающих на него турок, Пазарович убегаёт... Но вдруг вспоминает, что забыл сердце... Он возвращается к трупу, вырывает сердце и, прокладывая себе саблей дорогу, уходит.

Между тем сербские витязи нападают на турок, и начинается кровопролитное сражение: «И сербы би перемогли, айбо одна туркиня з джаміі закричала:

— Будалы турки! Перестаньте битися з Пазаровичом: ун має дві серця и гад обвився около його серця. Копліт ямы и ставте желізні ружны!..».

И турки выкапывают ямы-западины и на дне втыкают в землю железные рожны... Лошади сербских воинов падают в ямы и гибнут. Так попадает в руки врагов и Пазарович. На помощь ему спешит

² См. «Етнографічний збірник», т. XXX, Львів, 1911, стр. 153—190.

Королевич Марко, но конь под ним «вянет» — спотыкается, ибо Марко «побожився, що не пуйде вже на войну».

После гибели Рильо Пазаровича «сербські витезі всі пострадали... Турки побідили потому, що Мирошевич став измінником».

Как видим, центральная идея произведения — патриотическая, антитурецкая. Симпатии автора всецело на стороне сербов, борющихся за свою независимость против захватчиков. Юра Порадюк делает главными героями своего сказания Королевича Марко и Рильо Пазаровича, причем второй превосходит первого и физической силой и отвагой. В роли основного богатыря Косовских событий — Милоша Обилича выступает Рильо, которому приписываются чудесное рождение от змея и некоторые атрибуты (имел два сердца и вокруг одного лютая змея обвилась), взятые у Мусы-разбойника.

Юра Порадюк вплетает в канву повествования ряд необычных мотивов. 1. Королевич Марко, чудом спасшийся от смерти в единоборстве с турецким богатырем, дает клятву, что впредь не будет драться с турецкими витезями (здесь, очевидно, имеется в виду запрещение Марко биться в воскресный день). 2. Рильо Пазарович в доказательство своей верности дает обещание сербскому царю принести сердце султана. 3. Совет турецкой женщины, наблюдавшей «из джамии» за боем сербов с турками, сыгравший решающую роль в исходе Косовской битвы.

Имя традиционного изменника Вука Бранковича подменяется именем Мирошевича. Чем объяснить подмену имен? Легко было бы объяснить ее плохой памятью престарелого сказочника. Однако Юра Порадюк даже монументальные сюжеты излагает с удивительной последовательностью и логичностью. Очевидно, в творческом воображении Порадюка образы Рильо Пазаровича и Мирошевича возникли и «отложились» с самого начала, а может быть он знает какую-то неизвестную нам традицию. Правда, его сказание «За Королевича Марко» не отличается цельностью и монолитностью композиции; оно страдает также некоторым схематизмом и скупостью выразительных средств.

С художественной точки зрения выше стоит вариант Михаила Галицы «Королевич Марко и Муса-кеседжия», рисующий живую и яркую картину феодально-крепостнических отношений на Балканском полуострове в средние века. Королевич Марко в изображении Галицы — социальный герой, защитник униженных и оскорбленных, выразитель чаяний и ожиданий трудового крестьянства.

Когда Марко подрос и стал сильным парнем, «...в тот час не лиш в сербській державі, но і в цілум світі було рабство. Пани держали народ в рабстві, мали над людьми право жизни и смерти. У многих пану рабы ходили заковані, обы не могли втікнути, носили на ногах кайданы. Дуже тяжко терпіли, робили уд рана до самої ночі на панщині, и часто немилосердно їх били...».

Марко, сын сербского короля, не мог равнодушно смотреть на страдания людей и требовал от отца, чтобы отменил рабство. Король не хотел этого сделать, и Марко ушел из дому и скитался по миру. Однажды он смастерил себе прочный плуг и вспахал им государственные дороги, «... и король мусів прикликати бідний народ на роботу и заплатити красні гроші...». Король пытался схватить Марко, но богатырь никого не боялся и «... приходит в село або город, видит народ плачущий, голодающий, цуравый и разломит двері на магазинах и все роздаст біднякам. Май часто роздавав їду, не рідко одержу и обуву...».

Могучего богатыря полюбила «повітруля» — вила. Она сказала:

— Марко, ты никого не буйся, я тобі буду в помочи. Тулько напминаю тебе: в неділю не роби ніяку роботу!..»

Вила сделала Марко неуязвимым, и он «боровся з ворогами и помагав бідному народу...»

В сказании Галицы нет упоминания о вассальной зависимости Королевича Марко от султана. Но с Муссой он бьется не по поручению турецкого царя. Поединок передан традиционно, но и здесь необычный мотив:

«У Марка и у повиітрулі было одне тайне слово, що лиш они могли порозуміти: „гуй испатай“ — „його сабля на його боці“». И вила, когда сербский богатырь лежал под Муссой, проговорила это тайное слово: «Гуй испатай!».

Марко вспомнил про свой меч и вонзил в сердце противнику.

Когда до Марко дошла весть о смерти отца, он поспешил домой на похороны. На богатырском коне он «скакав з одної скалы на другу. ...На туй горі, де ун скочив з одної скалы на другу, и теперь видно сліды коня, убиті в камени» (Галица своими глазами видел эти «следы»!).

Похоронив отца, Марко стал сербским королем и первым делом «перевернув законы: слободив сербский народ уд рабства. Уд богатых пану забрав землю и передав людям. И зачали строити села, варыші, садити сады... В Сербії и теперь дуже много садовины, особенно слив. Сербам дозволено уд того часу варити з слив ракію-паленку. И селяни занималися своїм господарством, и лиш котрі были недбайливі, оставалися у грофу, но не рабами. Робутный чоловік мав право перейти на ліпшу роботу коли хотів».

Галица наделяет Королевича Марко чертами, характерными для народных героев типа Матяша, которые инкогнито ходят по деревням, **селах и городах**, наблюдая взаимоотношения между панами-помещиками и их подданными-крепостными... «Раз Марко хотів видіти, ци паны добре поведатся з народом, и ходив з села на село...». Однако этот мотив в сказании не развит полностью, только намечен. Галица правильно поступил, что не включил в повествование эпизода о похождениях героя «инкогнито» среди крестьян, иначе он нарушил бы цельность и стройность композиции своего произведения. Заканчивается сказание традиционным мотивом смерти богатыря.

Как видим, образ Королевича Марко переосмыслен Галицей оригинальным способом. Герой-патриот юнацких песен, борющийся с турками-угнетателями, отступает на второй план, а на первый выдвигается народный «заступник», защитник интересов трудового крестьянства, враг феодалов и помещиков, взбунтовавшийся против родного отца-короля.

Такой образ ближе хайдуцким песням, чем песням «старого времени». Чем объяснить подобное переосмысление эпической традиции? Мы объясняем его, во-первых, личными симпатиями и индивидуальными взглядами Галицы, который обостряет социальные мотивы не только в исторических преданиях и новеллистических сюжетах, но и в волшебных сказках; во-вторых, влиянием на Галицу прикарпатских эпических рассказов и песен о Довбуше, о Яношике, о Пинте, Шугае — словом «опришковского» эпоса.

Карпатские опришки и балканские хайдуки ближе сердцу нашего сказочника, чем спокойные величавые эпические богатыри. В лесах и горах Боснии и Герцеговины, куда забросила судьба Галицу, он с жадностью слушал песни и предания о народных мстителях, «кты у богатых брал, а бедным давал...». В Боснии Галица слышал сказку о Риста Бакуше — смелом, неуловимом богатыре, поднявшем меч против кровопийц-богатеев и чужеземных господ. Эта сказка идейно

перекликается со сказанием «За Королевича Марка и Мусу-кеседжию» и хорошо передает настроение накануне империалистической войны рабочих-лесорубов, немилосердно эксплуатируемых австрийскими оккупантами. Сюжет ее таков. В далекой турецкой стране в семье крестьянина-мусульманина родился мальчик-богатырь. Он рос не по дням, а по часам. Когда почувствовал себя достаточно сильным, оставил опечаленных родителей и пошел по миру, чтобы прославить себя подвигами. Изучив ремесло бондаря, слесаря, кузнеца, Бакуш сковал себе богатырскую саблю и встал на защиту обездоленных. В те времена на всех наводил ужас страшный дракон, поработивший тысячи людей. Дракон похищал и уносил в свое царство красивых девушек и женщин, делал их своими наложницами и заставлял изготавливать предметы роскоши. Слуги дракона продавали эти предметы за большие деньги. Тех, кто сопротивлялся власти дракона, спаивали вином и превращали в камни-истуканы. Риста Бакуш проник в неприступные дворцы дракона, убил его и выпустил рабов на свободу. Победив дракона, Бакуш пошел войною на всех царей-тиранов и уничтожил их. И «всі народи радовалися, бо Бакуш слободив їх з рабства, знищив грофу, барону, всіх пану, котрі держали люди в ярмі. Його держава сталася слободна республіка аж до нинішнього дня...».

Сопоставляя наши закарпатские сказания о Королевиче Марко с бачванскими, записанными В. Гнатюком в с. Коцура, мы видим, что первые представляют собой контаминацию нескольких традиционных сюжетов и эпизодов, в то время как вторые развивают преимущественно один какой-нибудь сюжет. Коцурские сказочники знают юнацкие песни лучше (что вполне естественно, если учесть их непосредственное соседство с сербохорватским населением); закарпатские же сказочники знают южнославянскую эпическую традицию отдаленно. Отсюда их тенденция к обобщению и к объединению отдельных мотивов.

Однако близость и родство идейного содержания и художественной формы тех и других не подлежат сомнению. Например, сказания Юры Порадюка «За Королевича Марко» и Осифа Кулича «Цар Лазар, Мілош Обілич та битва на Косовім поли» пронизывает одна и та же патристическая идея беззаветной любви к родной земле и жгучей ненависти к турецким поработителям. В обоих произведениях целый ряд схожих мотивов, совпадающих даже в деталях:

У Порадюка:

1. Рильо Пазарович убивает султана в момент, когда тот протягивает ногу вместо руки для поцелуя: «... и царь подняв ногу, обы Рильо поцеловав...»

2. Рильо дает обещание, что принесет сердце султана. Убив султана, он забыл о своем обещании и возвращается к трупу.

3. Решающую роль в исходе Косовской битвы играет «туркиня из джамии», которая дает совет турецким воинам копать ямы и на дно их натывать железные рожны, чтобы на них наткнулись сербские всадники...

4. Рильо Пазарович, попав туркам в руки, отказывается дать ключ от «заклопа» — стальной одежды, прикрывавшей его тело... Рильо спрятал ключ во рту...

У Кулича:

«... и царь му ногу место руки нацагнул...» — и в тот момент Милош Обилич убивает султана.

Милош Обилич дает обещание, что «скаччит на горло» султану. Убив султана, он забывает о своем обещании и с дороги возвращается к убитому...

Точно такую роль играет «една турска баба», которая дает такой же совет.

Милаш Обилич, пойманный турками в «железной одежде», не хочет дать ключ от «одежды»... Милош спрятал ключ в усах.

5. Мотив измены: «турки побідили по-тому, що Мирошевич став ізмінником...»

Сербы одержали бы победу «да не предал кнез-Лазаров жец старші — войско... Вон удерел з своїм войском не на турцох, але на своего князя».

Бросается в глаза лексическая и стилистическая близость сказания Осифа Кулича и Юры Порадюка. Если обилие сербизмов в языке и стиле первого легко объяснить южнославянским этническим окружением, то сербизмы у второго нас удивляют. Откуда взялись у Порадюка — жителя с. Горинчова Хустского района такие слова как: арапский (вместо арабский в местном диалекте), турский (вместо турецкий), крепати (сербохорв. крепати, креповати — околевать, издыхать,дохнуть), будала (сербохорв. — дурак и дура), топуз (сербохорв. — булава, палица), заклоп (сербохорв. — крышка, запор, замок, засов), и такие выражения как: «Здрово, Пазарович!» (сербохорв. — «Будь здоров, Пазарович!»), «Будалы турки!» (сербохорв. — «Турецкое дурачье», «турецкие дураки!»)? Мы не можем истолковать наличие сербизмов в живой речи нашего сказочника тем, что он 60 лет назад ездил в Боснию. Мы склонны видеть у Порадюка отзвуки той фольклорной эпической традиции прозаического пересказа сюжетов и мотивов юнацкого эпоса, которая сложилась среди населения потисской равнины и, расширяясь с юга на север, дошла до Закарпатья. Нельзя не заметить также жанровое родство закарпатских и бачванских сказаний. И те и другие являются «юнацкими песнями в прозе» (если можно так выразиться), устными рассказами о богатырях, совершающих героические подвиги в интересах трудового народа и в защиту родной земли.

Здесь перед исследователем встает важнейшая и сложнейшая проблема исторических взаимосвязей между юнацкими песнями и устными рассказами славянских и неславянских народов, возникшими под воздействием юнацкой эпической традиции на Балканском полуострове и в близлежащих странах. Эта проблема, заинтересовавшая в последнее время советских ученых³, требует монографического исследования.

Родство закарпатских и бачванских сказаний, заключающееся в их идейной направленности, в мотивах, композиции, в жанровых особенностях, свидетельствует об установившейся эпической традиции, которая передавалась из поколения в поколение, от одной этнографической области к другой.

Если поставить вопрос о происхождении и распространении сказаний о Королевиче Марко, о Косовских богатырях и о других героях южнославянского эпоса среди населения Закарпатья, то ответ на этот вопрос нам представляется таким: когда в XVI и XVII вв. под давлением турецкой экспансии и в результате тяжелого турецкого гнета сербохорватское население стало массами уходить на север в венгерскую низменность, оно прочно обосновалось в Войводине. Между Войводиной на нижнем течении Тисы и Угорской Русью на верхней Тисе были разбросаны славянские селения, подкрепленные в XVIII в. переселенцами из Шариша, Земплина и других прикарпатских комитатов. Мы высказываем предположение, что сюжеты и мотивы юнацких песен перешли от сербохорватов Войводины сперва в Бач-Бодрогский комитат, а отсюда дальше на север вверх по Тисе и так проникли в Угорскую Русь, которая в XVII—XVIII вв. занимала не только южные склоны Бескидов и Полонинских Карпат, но и довольно обширную равнину на верхней Тисе и ее правых и левых притоках. Надо принять

³ См. А. Астахова, Народные сказки о богатырях русского эпоса, М.—Л., 1962.

⁴ Советская этнография, № 1

во внимание и тот факт, что в Закарпатье переселялись из Войводины, Сербии и Хорватии отдельные семьи, которые также могли быть посредниками в распространении балканской эпической традиции.

Сообщая новые фольклорные материалы, касающиеся юнацкой эпической традиции, мы ставим проблему распространения этой традиции от Балканского полуострова на север вверх по Тисе до южных склонов Полонинских («Руських») Карпат. Конечно, наша гипотеза и предварительные выводы нуждаются в более веской аргументации, в основательном научном анализе текстов, находящихся в нашем распоряжении.

Выявление на территории Закарпатья народных сказаний о Королевиче Марко утверждает нас в мысли (высказанной раньше⁴), что эта смежная этнографическая область, граничащая на северо-западе с Польшей, на западе со Словакией, на юге с Венгрией и на юго-востоке с Румынией, представляет для славяноведения исключительный интерес. Здесь встречались «все три ветви великого славянского народа с румынами и венграми»⁵.

Испытывая чужеземный гнет в течение многих веков, живя в дремучих лесах и на высоких горах в условиях натурального хозяйства, население Закарпатья сберегло до наших дней элементы праславянской культуры, анимистические верования, космогонические сказания, заговоры-заклинания и «ложные молитвы», календарные и семейно-бытовые обряды и песни, волшебные сказки, старинные предания и легенды, эпические и лирические песни.

Для нас не является случайностью тот факт, что в Закарпатье были записаны фольклорные рассказы о Королевиче Марко, до сих пор незафиксированные в устной традиции западных и восточных славян.

Мы не связываем распространение этих сказаний в Угорской Руси с древнейшей эпохой, с тем временем, когда в Болгарии, Сербии и Хорватии возникли юнацкие песни; мы относим распространение сказаний о Королевиче Марко в Закарпатье к более позднему периоду — к XVII—XVIII вв. Однако факт бытования в Закарпатье юнацкой эпической традиции (в форме устных народных рассказов) говорит о том, что эта область и в новое время продолжала оставаться смежной этнографической областью — хранительницей сокровищ общеславянской народной культуры.

SUMMARY

To this day we have not been able to record any folklore works dealing with Marko Kraljević in the territory inhabited by Eastern and Western Slavs. (Marko Kraljević is the main personage of heroic songs and legends of the Balkan peoples). The author of the present article recorded legends of this cycle current among the population of the Trans-Carpathian area. He connects the spread of these legends in Ugrian Russia not with the period of the emergence of heroic songs in Bulgaria, Serbia and Croatia, but with a later period — the 17th and 18th centuries.

The existence in the Trans-Carpathian area of a heroic epic tradition testifies to the fact that in the 19th and early 20th centuries, too, this area remained a contiguous ethnographic region — the treasure store of the folk culture of all Slavs.

⁴ См. П. Линтур, Народные баллады Закарпатья и их западно-славянские связи, Киев, 1963.

⁵ Dr. Dumitru Grănjălă, Rumunské rlyry v Karpatech se zvláštím zritelem k Moravskému Valassku, Praha, 1938, стр. 466.